

Любовь, побеждающая Смерть

Новая программа ГАСО

Евгений Федорович Светланов — мастер преподносить сюрпризы. Его программы всегда продуманы до мелочей — не придерешься, и всегда интересны — необычной интерпретацией, стилистикой, не говоря уже о высочайшем художественном уровне исполнения. Недавно он предложил аудитории Большого зала консерватории поразмышлять на тему "Любовь и Смерть". При этом построил программу из сочинений, малоизвестных и редкоисполняемых в России. Сделав акцент на более популярных творениях, соответствующих заявленной программе, Светланов, безусловно, собрал бы супераншлаг. Но для него главное в другом — в частности к открытию и, пусть меня простят за высокопарность, в воспитании вкуса и повышении эрудиции своей аудитории.

А открыть предстояло многое. Не могу сказать, что все сочинения, исполненные в концерте, — шедевры и, не зная, по крайней мере, два из трех, можно считать себя безграмотным и темным. Здесь, скорее, срабатывает интерес кропотливого исследователя культуры, заботливо, штрих за штрихом, воссоздающего частичку музыкального искусства определенного времени. В данном случае период обозначен концом XIX — первой половиной XX столетия, а география — Англией, Польшей и Францией.

Первым, с кем нам предстояло познакомиться, был Фредерик Дилиус, вошедший в историю английской культуры как "певец национальных традиций". Признание пришло к композитору не вдруг и лишь благодаря его счастливому знаком-

ству с дирижером и композитором сэром Томасом Бичемом, который активно пропагандировал творчество Дилиуса. Представленный в программе концерта оркестровый фрагмент оперы "Сельские Ромео и Джульетта" под названием "Прогулка в райский сад" написан под влиянием импрессионистского направления. Красота этой музыки отнюдь не в изощренном использовании "вкусных" гармонических и тембральных красок: ее изысканность в необыкновенной простоте и ясности, в любовании статикой, в какой-то первозданной чистоте эмоции.

Разительным контрастом к "сельской любовной идиллии" стало произведение польского композитора Мечислава Карловича "Станислав и Анна Освенцимы". Эта симфоническая поэма имеет литературную программу, основанную на легенде XVII века, повествующей о трагической любви брата и сестры Освенцимов, не знавших о своем родстве. Произведение, несколько размытое по форме из-за множественных кульминаций одинакового уровня, — здесь, на мой взгляд, имеет место не достаточно органичное сочетание повествовательности в изложении и переживания композитором драматизма самой темы, тем не менее способно вызвать неподдельный интерес. Карлович, несомненно, умело использует богатство оркестровых красок, выделяя, например, в отдельную группу тембры флейты, арфы и металлофона. Кстати, проблема окончательной кристаллизации формы решена композитором очень убедительно и просто: подход к заключительной кульминации — самой мощной и тра-

гической — предвещают переключки отдельных групп оркестра, постепенно собирающиеся в единый звуковой массив. Заключительные звуки сочинения повергают слушателя в состояние, близкое катарсису: у Карловича любовь побеждает смерть. Неподвластно забвению и его творчество: оно останется столь же молодым и мудрым, как и сам, в ту пору тридцатилетний, маэстро, написавший свою симфоническую поэму за два года до трагической гибели.

Финал концерта, в котором звучала Третья ("Литургическая") симфония Онеггера, словно был призван раскрыть тему программы глобально. Три части симфонии, обозначенные как части католической мессы — "Dies irae", "De profundis clamavi" и "Dona nobis pacem", — повествуют, по словам композитора, о происходящей в каждом из нас борьбе "между покорностью слепым угнетающим силам и стремлением к счастью, мирной любви...". Через хаос и ужас, окружающие нас в этом мире, пробивается надежда: птица, пролетающая через все части симфонии. Это голубь, держащий оливковую ветвь, символизирующую наступление мира. "Для одних этот мир означает вечный покой, небесное счастье. Для других — земной рай, скромный рай красоты, к которому стремятся все люди", — говорит Артур Онеггер. Мы должны выбирать то, что нам ближе, и в этом отношении все мы равны. В мире есть надежда, которая парит над симфонией Онеггера, как "голубь мира — над бесконечностью моря".

Анна ВЕТХОВА

Кудрявцева. — 1999 — 15 — 21 сир. — 11.9.